

В ТРЕХ ЛИЦАХ (К 70-летию А. С. Милейковского)

Тягу к творчеству трудно истребить. Даже в условиях пресловутого рынка люди различных профессий находят в своей жизни место для творчества – в виде всевозможных хобби, коллекционирования, к примеру, все еще популярной филателии. Разговор же о тех, кто целиком посвятил себя творческой профессии, всегда интересен. Тем более, если таких профессий – три! Как у народного артиста России, профессора РГК им. С. В. Рахманинова, скрипача, дирижера и педагога Александра Семеновича Милейковского.

Ничто лучше не характеризует человека, как слова коллеги. Народный артист России дирижер С. А. Коган писал о юбиларе: «Талантливый музыкант-исполнитель, который прошел блестящую школу выдающегося скрипача – народного артиста РСФСР, профессора Б. Л. Гутникова, Александр Семенович давно зарекомендовал себя глубоким интерпретатором самых крупных, вершинных сочинений мирового скрипичного репертуара. Теплый, красивый звук, техническая свобода, масштабность исполнительских концепций, прекрасное чувство стиля... надолго остаются в памяти слушателей».

Впечатляют его регалии: медали «За доблестный труд» (1970), «Ветеран труда» (1991), звания заслуженного (1986), затем народного артиста России (1999), диплом лучшего концертмейстера II Всероссийского конкурса симфонических оркестров в Москве (1984).

Александр Семенович родился 14 ноября 1938 года в семье музыкантов. Отец был военным дирижером, мать – пианистом-концертмейстером. И, наверное, нет ничего удивительного в том, что родители определили для сына путь в музыку. Попад в класс замечательного ростовского педагога А. Б. Кагана, юный музыкант закончил под его руководством Ростовское музыкальное училище в 1957 году. Сомнений в том, что он продолжит свое обучение в вузе, не возникало. Алексей Борисович, в прошлом студент Московской консерватории, ученик известнейшего профессора А. И. Ямпольского, собирался отправить своего выпускника в столицу.

Однако судьба распорядилась иначе. «У Алексея Борисовича, – вспоминает Милейковский, – был сильный класс. Играть приходилось часто, – высокий уровень обязывал, тем более что мысль о необходимости концертных выступлений внушал нам сам педагог». На одном из таких выступлений молодого музыканта услышал известный скрипач и педагог, профессор Ленинградской консерватории Михаил Вайман, приехавший в Ростов-на-Дону с гастрольными концертами. Он был настолько впечатлен игрой Александра, что незамедлительно пригласил его в свой класс. М. Вайман к этому времени был лауреатом международных конкурсов им И. С. Баха (Лейпциг, 1950) и им. королевы Елизаветы (Брюссель, 1951), в обоих случаях завоевав вторые премии – соответственно после Игоря Безродного и Леонида Когана. Вместе с этими выдающи-

мися скрипачами Михаил Вайман составлял цвет советского скрипичного искусства 50–70-х годов. Совершенно понятно: от таких предложений не отказываются.

Так 18-летний ростовчанин поступил в Ленинградскую консерваторию. Впрочем, с этого история студента Милейковского только начиналась. Почти сразу же после вступительных экзаменов Михаил Вайман с большим сожалением сообщил, что из-за какой-то бюрократической формальности в его нагрузку не осталось места для новых студентов. Единственное, что он смог сделать для обескураженного первокурсника, – отдать его в руки своему учителю Ю. И. Эйдлину. Однако профессор Эйдлин заболел и скоропостижно умер в декабре 1958 года, и почти все его студенты были переданы в класс его ученика и ассистента Б. Л. Гутникова.

Борис Гутников был одним из тех удивительных скрипачей, говорить о которых начинают еще в раннем детстве. Слышавший игру юного Гутникова пианист, профессор С. Савшинский не удержался от двусмысленного восклицания, ставшего своего рода афоризмом: «Его руки ушли на десять лет вперед от общего развития». К счастью, Гутников превратился из вундеркинда в серьезного музыканта. Он получил первые премии на IV Всемирном фестивале молодежи и студентов (Бухарест, 1953), затем на Международном конкурсе скрипачей им. Дж. Славинки и Ф. Ондричека (Прага, 1956) и на Международном конкурсе им. Ж. Тибо (Париж, 1957).

Несмотря на незначительную разницу в возрасте (молодой преподаватель был старше своего студента всего на семь лет), Александр Семенович с уважением и нескрываемым восхищением вспоминает годы обучения у Гутникова: «Наши отношения можно было бы назвать дружескими. Однако характер Бориса Львовича был твердым и решительным. Он был принципиальным и немногословным человеком. Многие его побаивались».

В 1962 году, незадолго до второго конкурса им. П. И. Чайковского Гутникова вызвала в Москву новоиспеченная министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева. В стране ее называли Екатериной Великой – кто знает, с сарказмом ли, с восхищением? Фурцева тогда буквально потребовала от Гутникова принять участие в конкурсе, который, по сути, был ему уже не нужен, пригрозив, что в случае отказа он может стать «невъездным».

Буквально за считанные месяцы музыканту предстояло подготовить труднейшую конкурсную программу, а ведь его гастрольная деятельность была расписана на годы вперед!

«Из Москвы он приехал, – вспоминает Александр Семенович, – с седыми висками, буквально. Собрал своих учеников и пересказывал нам этот разговор...» Так, «вынужденно», Гутников получил свою четвертую первую премию. Едва ли история скрипичного искусства знает второй такой пример.

Яркие и светлые воспоминания оставили у Милейковского и сам город, и консерватория. «Я был очарован неповторимой атмосферой, которой, казалось, были пропитаны сами стены консерватории, бережным отношением к каждому студенту, трепетом перед великими педагогами, – рассказывает он. – До этого мне приходилось бывать и в Московской консерватории, но подобного чувства там я не испытывал».

В Питере Александр Семенович приобрел и свой первый педагогический опыт: «Когда я учился на четвертом курсе, – говорит он, – Борис Львович, к моему удивлению, разглядел во мне склонность к педагогике и официально оформил своим ассистентом. Несмотря на то, что в то время у него были и аспиранты, во время своих многочисленных отъездов он оставлял своих студентов мне. Результатами был страшно доволен и не раз говорил мне, что теперь, уезжая на гастроли, он может быть спокоен за свой класс».

В консерватории существовало два студенческих симфонических оркестра, состоявших соответственно из студентов младших и старших курсов. Во время своего обучения Александр Семенович был концертмейстером сначала одного, а затем и второго коллектива. Занятия в оркестровом классе вел известнейший ленинградский дирижер и выдающийся педагог, профессор Николай Семенович Рабинович. Отличаясь известной проницательностью, он заинтересовался молодым скрипачом и пригласил его в свой дирижерский класс. О своем общении с мэтром Милейковский рассказывает: «Во времена студенческие я не придавал дирижированию большого значения. Мне хотелось играть на скрипке. Однако совершенно отказаться от предложения Рабиновича я не мог и стал посещать его занятия в качестве вольного слушателя. Впоследствии я осознал, насколько много дали мне эти краткие встречи».

Помимо музыки, в жизни Александра Семеновича нашлось в эти годы место для своеобразного хобби. В консерватории был открыт кружок по борьбе «самбо», тренером в котором работал действующий чемпион СССР. «Тогда это было очень модно, и я записался на занятия, – рассказывает он, – причем обязательным условием было вступление в добровольную народную дружину, оказывающую помощь милиции. Приходилось дежурить по ночному Питеру, но зато у меня было около двух лет такой полезной спортивной практики».

Тем не менее, близился 1962 год, обучение в консерватории подходило к концу. Надо было определять свое будущее. Александр Семенович рассказывает: «Мне было предложено место в одном из самых замечательных коллективов Ленинграда – во втором составе оркестра Ленинградской филармонии, на втором пульте первых скрипок. Это была небывалая удача, так как даже после прохождения конкурсного отбора музыканты обычно попадали в стажерскую группу. Для меня же конкурс обещал стать простой формальностью». Однако отсутствие ленинградской прописки закрыло эту блестящую перспективу.

Еще в студенческие годы Александр Семенович женился на молодой пианистке Эстелле Викторовне. «Как раз в это время, – продолжает Милейковский, – Ленинград посетил известный дирижер из Новосибирска Арнольд Михайлович Кац. Он приехал подбирать музыкантов для своего оркестра, мы познакомились, он многое пообещал. К тому же Новосибирск в то время был модным городом». Так семья Милейковских попала в Сибирь, но задержалась там ненадолго.

Менее чем через два года начальник областного управления культуры острова Сахалин пригласил молодого специалиста к себе. «Каким-то образом в считанные дни он сделал запрос на мое имя и оформил все необходимые документы. Однако Арнольд Кац не захотел меня отпускать. Нам с женой пришлось буквально бежать», – смеется Александр Семенович.

На Сахалине Милейковский был и солистом филармонии, и преподавателем музыкальной школы по нескольким дисциплинам. Пришлось даже преподавать сольфеджио и обучать этому предмету 250 учеников! Кроме того, он проводил открытые уроки для преподавателей музыкальных школ. «Остров Сахалин отделен от Японии всего 40 километрами морской воды, – говорит музыкант. –

Однако нечего было и думать о том, чтобы побывать на другом берегу. В ясную погоду с южной оконечности острова можно было увидеть японское побережье. Этим контакт и ограничивался. Вот какие были времена».

Александр и Эстелла Милейковские и здесь не задержались. Ввиду отсутствия интересной работы, низкой культурной активности Сахалина они в 1964 году приняли решение вернуться в город на Неве. И снова удача. Объявлен конкурс на несколько вакантных мест в оркестр знаменитого Кировского театра (в 1992 году он вновь станет Мариинским, как назывался с 1868 года в честь супруги Александра II императрицы Марии Александровны). «Я был тогда в хорошей форме, – рассказывает Александр Семенович, – уехал с острова, едва отыграв прощальный сольный концерт. Меня уговорили друзья, и я прошел конкурс. Приняли сразу». Проблем с поступлением в оркестр, как и два года назад, не возникало. К тому же всего две организации в Ленинграде имели право брать на работу сотрудников с оформлением им прописки в городе: заслуженный коллектив республики Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии и Кировский театр. Повезло! Но и тут случай не дал ситуации разрешиться благополучно.

Накануне возвращения молодой семьи в Питер, город посетил первый секретарь ЦК Никита Сергеевич Хрущев и категорически запретил театру и филармонии прописывать иногородних граждан у себя, отдав соответствующее распоряжение. Помочь мог только один человек – генеральный директор Кировского театра, который как раз перед этим уехал на четырехмесячные гастроли в Америку.

Невзирая на проблемы с пропиской, Милейковского взяли на работу, но уже спустя месяц органы внутренних дел отправили в театр наряд с проверкой. «Меня вызвали в отдел кадров, – вспоминает Александр Семенович, – и объяснили, что, если меня не уволят, на директора, который даже не в курсе дела, будут наложены штрафные санкции». С Ленинградом пришлось попрощаться во второй раз.

Спустя семь лет выпускник Питерской консерватории, молодой педагог и начинающий дирижер Александр Семенович Милейковский с женой Эстеллой Викторовной возвратились в родной Ростов. Первым делом он устроился на работу в ор-

кестр Ростовской филармонии, где занял привычное для себя еще со студенчества место концертмейстера. Параллельно работал и солистом филармонии. В те годы в город одни за другими начали приезжать дирижеры из-за границы. «В 70-е у меня было много сольных концертов с оркестром. Я играл практически с каждым гастролирующим дирижером, – рассказывает Александр Семенович».

Многие из них приглашали его к себе на работу на любых условиях. Уезжать музыканты в те времена уже начали, но пока только из столичных городов. О том чтобы уехать с периферии, не могло быть и речи. Дошло до того, что в 1975 году видный дирижер из Югославии Никола Дебилич предложил Милейковскому заманчивый контракт на два года, включавший в себя как концертные выступления, так и педагогическую деятельность. «Уехать в то время для меня было проблематично. Болели родители. Однако, посоветовавшись с отцом, мы с женой решили попробовать, – продолжает он. – Заручившись моим согласием, Никола Дебилич принял на себя хлопоты по оформлению необходимых бумаг в столице, тем более что его следующим пунктом в гастрольях была Москва». Однако в министерстве ответили емко: «У нас такое не практикуется!».

В 1984 году в жизни оркестра Ростовской филармонии произошло важное событие. В ходе конкурсных прослушиваний коллектив успешно миновал два отборочных тура и был приглашен для участия в финале II Всероссийского конкурса симфонических оркестров, который должен был пройти в Москве. «В то время, – вспоминает Александр Семенович, – существовал круг оркестров, близких столице. В этот круг, в том числе входили Нижегородский, Омский, некоторые другие оркестры, регулярно принимавшие участие в республиканских и союзных фестивалях. Ростовский оркестр находился в стороне, его в Москве почти не знали. Тем удивительнее оказалось наше выступление. Оно было очень удачным, мы шли на первое место. Однако включились рычаги, не связанные с музыкой. С этим ни оркестр, ни дирижер ничего поделать не смогли. Мы стали вторыми». К почетному титулу коллектив привел его художественный руководитель и главный дирижер народный артист России Семен Аркадьевич Коган. А первое место отдали Омскому симфоническому оркестру. По иронии судьбы, именно выпускник Ленинградской консерватории С. А. Коган в 1966 году

был создателем Омского академического симфонического оркестра. Почетного звания удостоился и Александр Семенович лично: ему был вручен диплом как лучшему концертмейстеру фестиваля.

1988 год принес новый поворот в карьере. Милейковскому привелось встать за дирижерский пульт и вспоминать консерваторские уроки Рабиновича. «Когда в Ростове мне по необходимости пришлось заняться дирижированием, – рассказывает Александр Семенович, – у меня было ощущение, что я готов к этому». С этого времени он дирижует концертами, в отсутствие главного дирижера проводит репетиции. В 1992 году, пришедший на место художественного руководителя и главного дирижера Равиль Мартынов (тоже выпускник Ленинградской консерватории, ученик Рабиновича) высоко оценил Милейковского-дирижера. «Не знаю, как до него дошли слухи, – признается Александр Семенович, – но Мартынов знал, что я был вольнослушателем на уроках дирижирования и сожалел о том, что я не поступил к Рабиновичу в класс». Однако о занятиях дирижированием он говорит: «Я не отношу себя к категории музыкантов, которые, достигнув определенного уровня исполнительского мастерства, хотят реализовать себя в дирижировании, раздвинув рамки профессии. Я развивался и работал параллельно – и как скрипач, и как дирижер».

Преподавательская деятельность Милейковского в Ростовском музыкально-педагогическом институте началась в 1969 году, куда он был приглашен первым заведующим кафедрой, заслуженным артистом Белоруссии, профессором Александром Наумовичем Амитоном. Здесь он становится старшим преподавателем (1972), доцентом (1991) и, наконец, профессором (1995) по классу скрипки. Своими лучшими учениками Милейковский считает Ольгу Савещенко, закончившую под его руководством аспирантуру, Владимира Дрогана, Марию Линскую.

Так, развиваясь одновременно по трем направлениям творчества, Александр Семенович Милейковский празднует свой 70-летний юбилей. На вопрос о том, какой из видов деятельности он считает магистральным, отвечает: «Трудно сказать. Я бы не стал отдавать предпочтение одной из них. Они для меня – три грани одного творческого процесса. Скажу одно: в центре этого единения, без сомнения, находится мой любимый на всю жизнь инструмент – скрипка».

Сложнейший в освоении инструмент, скрипка воспитывает в музыканте более тонкий музыкальный слух, что без сомнения делает скрипачей потенциально хорошими дирижерами. В этом отношении скрипач, пришедший к дирижированию «из недр» оркестра, да еще обладающий опытом концертмейстера и солиста, имеет наиболее полное представление как о рабочем процессе в оркестре, так и о конечном результате. Милейковский поясняет: «История знает множество примеров, когда выдающиеся зарубежные дирижеры, такие как венгро-американец Юджин Орманди, француз Шарль Мюнш начинали свою карьеру на месте концертмейстеров симфонического оркестра. В нашей стране в пример можно привести Юрия Темирканова, Юрия Симонова, Юрия Николаевского, – все трое играли на альте. Однако решающим фактором „струнную природу“ я не назову. Ведь есть же превосходные дирижеры среди духовиков и пианистов, дирижеров хора».

В отношениях между оркестрантами и дирижером Александр Семенович считает главным взаимное уважение. «Естественно, что любая работа в большом коллективе строится на авторитете руководителя. Главное, не давить этим авторитетом. Музыканты в оркестре отличаются и по профессиональному уровню, и по характеру, и по амбициям. Важно, чтобы дирижер не считал единственным правилом поведения оркестрантов – неукоснительное соблюдение всех его (дирижера) указаний».

Грамотный дирижер, по его мнению, всегда будет опираться на поддержку лидеров групп. Однако признает, что исключения бывают, и как раз среди великих дирижеров. Евгений Мравинский, Герберт фон Караян были очевидными диктаторами, о властности которых ходили легенды. «Однако для того чтобы быть настолько жестким дирижером, необходимо обладать соответствующим авторитетом», – считает Александр Семенович.

В педагогике Милейковский также придерживается либеральных взглядов: «С позиции студента, главное не только получить качественное образование, но и найти ему применение. Поэтому я не вижу проблемы в переходе из периферийного вуза в столичные. Ведь у нас в городе практически отсутствуют возможности для проявления себя в исполнительстве. А раз так, то при прочих равных условиях, учиться в Москве, безусловно, лучше. Точнее сказать, перспективнее. Я такую инициативу всегда поддерживаю».

А вот учить по-разному скрипачей-оркестрантов и солистов не следует, убежден Александр Семенович: «Мое мнение в этом вопросе, может быть, спорно. Ведь еще Леопольд Моцарт говорил, что оркестровая и сольная специализация существенно отличаются друг от друга, и указывал на необходимость различного подхода в обучении. Однако я считаю, что природа музыканта, его индивидуальные способности все расставят по своим местам. Кто-то станет солистом, кто-то найдет себя в камерном ансамбле или оркестре, а кто-то с головой уйдет в педагогику. Осознание своего предназначения приходит со временем».

Отчасти исполняя роль педагога и в своей собственной семье, Александр Семенович не стал настаивать, когда дочь Юлия после окончания музыкальной школы избрала для себя стезю экономиста. «Она хорошо училась в школе, – рассказывает Милейковский, – и сомнений в наличии у нее музыкальных способностей не было. Однако мир музыки оказался не близок ей по духу. И мы с женой посчитали, что не вправе настаивать».

Сравнивая отечественный и зарубежный уровни культуры, Александр Семенович, гастролировавший в США, Германии, Франции, Польше, Испании, на Мальте, размышляет: «Бесспорным центром культуры западного мира можно считать Джульярдскую школу. Однако я бы не назвал уровень культуры Европейских стран однородно высоким. Другое дело, что отношение к культуре и людям, посвятившим ей свою жизнь, в корне отличается от ситуации в России». Причину контраста между по-прежнему высоким уровнем академического музыкального искусства и низким социальным статусом российских музыкантов Александр Семенович видит не в политике государства, а в менталитете самого народа. «На Западе очень сильны профсоюзы. Через них музыканты борются за свои права. У нас же организаций, призванных эффективно защищать права деятелей культуры, не существует».

Неспособность людей искусства объединиться и отстаивать свои интересы, а остального населения – признать несомненную ценность и необходимость развития культуры приводит к постепенному обмелению культурного слоя и концентрации его остатков в столицах, особенно в Москве. «Возможно, в будущем, – рассуждает Милейковский, – ситуация выровняется. Ведь сейчас набирает популярность система грантов, по которым

свои первые транши уже получили несколько региональных оркестров. Не так давно, накануне II Фестиваля симфонических оркестров мира, была выделена приличная сумма Ростовскому оркестру на покупку новых инструментов. Однако рассчитывать на то, что позиции музыканта в России и на Западе когда-нибудь сравняются, все же не приходится».

Другое дело – публика. В нашей стране она особая, и то, что видные музыканты, звезды академической сцены, родившиеся в России, но давно живущие и работающие за рубежом, любят приезжать сюда, не удивительно. «Там может быть потрясающий прием, – говорит Александр Семенович, – однако зарубежная публика, по сути, мало что понимает в качестве и глубине исполнения, бурно реагируя, в основном, на внешние эффекты. Недаром многие зарубежные музыканты клянутся в любви именно к российскому слушателю».

Несправедливым кажется Александру Семеновичу и суждения о том, что эпоха великих музыкантов осталась в прошлом: «Конечно, конец XIX и особенно первая половина XX века были насыщены артистическими фигурами огромного масштаба. Но это – не основание, чтобы не замечать прекрасных современных исполнителей». «Особенно неверным мне кажется предвзятое отношение к молодежи, – продолжает Александр Семенович. – Если не принимать во внимание детали современного лексикона и внешнего имиджа, это нормальные люди, разве что требующие к себе более внимательного подхода».

И, наверное, совсем неудивительно из уст столь либерального и разностороннего музыканта звучит его творческое кредо: «Хороший вкус – это чувство меры. И совсем не важно, кто именно творец, и на каком инструменте играет, если он делает это поистине профессионально!»